

18+

И. ЗОЛОТОВ

Прерванный бой

Александр Золотов

Прерванный бой. История

«Издательские решения»

Золотов А. П.

Прерванный бой. История / А. П. Золотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561739-2

Книга — это политический детектив, она описывает события далекой древности. Времена нашествия монголов во главе с ханом Батыем. В книге читатель найдет новую версию возникновения казачества, а также доблесть русского воинства, стойкость народа. Книга не обделена огнем любви, в ней есть люди с чувством долга, но не обошлось и без предательства.

ISBN 978-5-00-561739-2

© Золотов А. П.
© Издательские решения

Содержание

Прерванный бой	6
Прерванный бой	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Прерванный бой

История

Александр Петрович Золотов

© Александр Петрович Золотов, 2022

ISBN 978-5-0056-1739-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прерванный бой

Прерванный бой

*Бог россам возвратит
Старинное наследство,
Злодеев истребит!
Усмирит соседство. МВ Ломоносов*

Часть первая

Меч лежал рядом. Князь Василко Олегович ошупал его холодную сталь, прислушался к вою метели. Уснуть не удавалось. Враг уже вторгся в его земли, татары, монголы и кочевники объединили усилия. Да, он готов к войне. Много лет назад он впервые увидел этих диковинных людей. Память князя повела его в далекую юность.

Отец Василко, князь Олег Владимирович, на смертном ложе. Он с трудом поднимает перст и указывает сначала на своего сына-юношу восемнадцати лет, затем на своего брата, но не успевает назвать имени наследного князя, умирает.

Той же ночью боярская дума собралась на совет, чтобы решить вопрос, кому передать меч Олега как символ власти.

Преклонные старцы, рассевшись на лавки, которые стояли по периметру зала, молчали. По их виду нельзя было понять, кто и как будет голосовать, но двоюродный брат почившего князя Олега Юрий Владимирович почуял неладное:

– Уже сговорились старые лисы! Им выгодно, чтобы удельным князем стал Василко, у которого еще молоко на губах не обсохло. Воевода Данила Савич – это главное препятствие, именно он хочет больше власти. Если власть отдадут Василко, придется применить силу.

Данила Савич встает, обводит всех предостерегающим взглядом.

– Древний обычай, гласит, что до похорон усопшего князя мы должны избрать нового удельного правителя нашего княжества. Князь Олег не успел назвать имя наследника престола, а лишь указал перстом на сына своего Василко и брата своего двоюродного князя Юрия Владимировича. Мы должны спросить каждого из них о согласии вступить в княжение.

В плате старцы ожили, но ненадолго. Одобрительно высказались все бояре.

Воевода смотрит в упор на князя Юрия.

– Ответь мне, князь, согласен ли ты стать удельным князем?

Князь Юрий будто не слышит вопроса, говорит повелительно, твердо, в голосе сталь:

– Отец мой Владимир не передал мне меч свой только потому, что тогда я пребывал в отрочестве. Княжеством стал править его брат Олег. Сейчас по всем законам княжение должно перейти ко мне. Князь Василко едва вышел из отроческого возраста и не может управлять властью по причине неопытности. Княжение должно перейти ко мне без всяких выборов.

Юрий Владимирович обводит грозным взглядом присутствующих думцев, но они хранят молчание. Данила Савич твердо выдерживает взгляд.

– Прости, Юрий Владимирович, но князь Олег указал не только на тебя, но и на Василко. Мы не можем в угоду тебе забыть законы, когда тело князя Олега еще не остыло.

– Я знаю, что вы сговорились, вам хочется больше власти, будете править вместо отрока. А ты, Данила Савич, хочешь всем верховодить, мечтаешь отдать за Василко свою дочь. Не получится.

Князь Юрий подходит к старцам Елисею и Евстафию, тычет в них перстом, кричит:

– Вы же были боярами, – моего отца, вы прошли многие сражения с ним, а теперь предаете его.

Старец Елисей, сверкнув очами, шепелявит:

– Негоже князь Юрий, менять законы княжества, установленные нашими отцами и дедами. Если каждый князь станет их менять, завтра прольется кровь.

– Ты мечтаешь княжить, но есть закон, который нельзя обойти. Если ты уже приготовил свою дружину для захвата власти, остановись, – вскакивая с лавки, кричит боярин Евстафий и гневно стучит посохом.

Данила Савич спокойно извещает бояр:

– Дружина князя Юрия окружена в его владениях и ничего сделать не сможет.

– Все предусмотрел старый пес. Но ты, верно, забыл, что Василко прожил восемнадцать зим. Его годы уместятся в моей жизни два раза, я опытен, он не может еще управлять государством, – князь Юрия начал терять контроль над собой.

Данила Савич пытается успокоить князя Юрия:

– Юрий Владимирович, ты требуешь трон без выборов, мы же хотим, чтобы все было по закону. Если дума отдаст тебе меч Олега, то правь, води подданных к победам и славе.

Юрий Владимирович с гневным блеском глаз садится на свое место.

Данила Савич, сделав паузу, ровным голосом спросил:

– Князь Василко, ты согласен стать удельным князем?

– Отец мой указал на меня перстом. Я не могу ослушаться его последней воли.

Данила Савич, не обращая внимания на протестующие жесты князя Юрия Владимировича, продолжил:

– Теперь князь Василко и Юрий Владимирович должны уйти, каждый в свою светлицу и ждать решение боярской думы.

Утром от имени Думы Данила Савич объявляет решение:

– Решение думы будет доведено вам сразу после похорон князя Олега у его могилы.

Могила открыта, у ее края гроб с телом князя, поодаль застыла его дружина, над которой развевается его стяг. Народ стоит на коленях, склонив головы.

Говорит воевода Данила Савич:

– Князь Олег Владимирович ушел от нас. Нам оставил славу и меч, который, согласно обычаю, будет передан его преемнику, преемнику власти. Мы скорбим о его праведной душе и преклоняем стяги перед его могилой. Мир телу его, а мы продолжим его дела, дадим отпор всем, кто захочет отнять у нас нашу свободу.

Князь Олег похоронен, приспущены стяги, народ, склонив простоволосые головы, скорбно молчит. Проходит несколько минут в скорби, пришло время узнать нового удельного князя. Данила Савич торжественным суровым голосом объявляет:

– Умирая, князь Олег не успел назвать будущего удельного князя, лишь указал перстом на сына своего Василко и брата Юрия Владимировича. Решением думы наследным князем стал, – делает паузу, обводит взглядом люд, зычно кричит, – Василко Олегович.

В толпе возникает гул, но быстро стихает. Юрий Владимирович что-то говорит и уходит, чем вызывает ропот толпы. Данила Савич опускается на одно колено, склонив голову, торжественно продолжает:

– Прими, князь Василко, отцовский меч как власть его и правь народом умом и сердцем. Не урони стяг отцовский, как и славу предков наших.

Василко принимает меч из рук воеводы, вынимает его из ножен, целует.

– Перед могилой отца и народом своим клянусь: не уронить чести и быть достойным славы князя Олега. Клянусь: беречь, защищать народ мой от бед и нашествий. Прошу всех подданных принять меня князем своим.

Поднимает обнаженный меч над головой. Поднимаются стяги и трепещут на ветру. Народ опускается на колени перед князем своим.

Толпа расходится, в недрах ее слышатся голоса.

– Молод еще, отрок, не правитель.

– Бояре так решили, чтобы править самим.

– Данила Савич наберет теперь силу, а если отдаст дочь свою Пелагею за Василко, то и княжить будет он.

– Хитер воевода.

Вороной конь мчал Василко по зеленому лугу мимо отдельных кустов и деревьев навстречу утренней заре и восходу солнца. Трава, обильно окропленная росой, сохраняла начало пути юного князя к победам и могуществу. Василко осадил коня на самой вершине холма.

Нет краше земли русской, за которую он теперь в ответе. Все на миг затаилось в ожидании первого луча солнца. Даже река, несущая свои воды в неведомые дали, казалась неподвижной и спокойной. По ее берегам изумрудные луга чередуются с небольшими рощами и кустарниками. Там, совсем недалеко зеленеет лес. Вершины деревьев окрасились в багрянец. Они первые увидели восходящее солнце. В утренней торжественной тишине природа дарила Василко свою красоту, которая превращалась в нем в непреодолимую силу и решимость защищать свое отечество. Душа, сердце юноши и мужа требовали подвига.

Диск солнца едва выткнулся над горизонтом, радуя живой мир началом нового дня. Поднимающийся над гладью реки туман клубился в лучах восходящего солнца, создавая сказочное видение. Розовая сказка не хотела отпускать его из детства и юности в опасный и тяжелый путь. Первое дуновение ветра породило легкие волны, которые охотно исчезали или превращались в мелкую зыбь. По берегам у самой воды склонились ивы и вербы. В камышах плеснулась крупная рыба. Над его землей занимался новый день. Солнце неспешно карабкалось по небосклону, чтобы луговые цветы, раскрыв свои лепестки, попрощались с нежной красавицей весной и встретили жаркое лето.

Конь, осторожно ступая, спустился к реке и потянулся бархатной мордой к еще прохладной воде, но наездник не позволил ему утолить жажду. Переполненная душа князя требовала продолжения. Он поднял лошадь на дыбы и пустил вскачь по песчаной отмели, вздымая тысячи брызг, которые под лучами солнца искрились и создавали хрустальный ореол. Еще через минуту Василко, держась за гриву лошади, плыл по течению реки, а она, словно хвалясь красотой своих берегов, несла свою драгоценную ношу неспешно и величаво.

У сказки тоже есть конец. Трава, успевшая освободиться от росы, мягким ложем приняла Василко в свои объятия. Возможно это была его последняя минута юности. Судьба уже приготовила ему первое препятствие. Она будто испытывала молодого князя на прочность. Пройдешь успешно преграду, откроется путь к победам и славе, нет – постигнет забвение, а возможно и проклятие.

Князя привлек запах дыма, который принес ветерок со стороны вечернего солнца. Первая мысль бросила его к дому, к войску, но, подумав, решил, что без явного повода поднимать панику нельзя. Возможно это заплутавшие в ночи путники. Но почему они сделали привал, прячась от посторонних глаз? Рука Василко скользнула вниз к оружию, но его на поясе не оказалось. Никто не осудит, если безоружный князь пришлет дружину для захвата непрошенных гостей. Такого поворота событий он позволить себе не мог, так как не простит себе даже толику трусости.

Василко охватило сильное возбуждение. Он наскоро привязал коня, как учили, вниз мордой, с таким расчетом, чтобы тот не учуял запахи других лошадей и не привлек своим ржанием внимание пришлых людей. Юноша ползком направился к источнику дыма, пока не достиг края обрыва.

Много воды утекло через этот овраг, унося чужие тайны в прошлое. Василко предстояло разгадать еще одну.

На дне оврага, заросшего терном, у костра располагались семь человек. Четверо, видимо воины, выглядели совершенно необычно. Небольшие ростом, на кривых ногах, лица круглые, с узким разрезом глаз. Одежда с чужого плеча, по всей видимости, отнятая у русского населения. Пятый воин не был похож на своих спутников. Смуглый мужчина лет двадцати пяти с внешностью славянина, одет в полосатый халат. По его поведению в нем угадывался командир группы. У всех мечи с искривленным лезвием в кожаных ножнах. Щиты, луки и колчаны лежали под рукой каждого воина. Чувствовалось, что воины опытные, заставить врасплох их будет непросто.

Здесь же у перетухающего костра сидели пленники:

худой мужчина, лет сорока, в длинной черной рясе с крестом на груди и юная девушка в изорванном сарафане, который едва прикрывал ее худенькое тело. Трапеза, состоящая из кусков жареной конины, заканчивалась, воины готовились ко сну. Священника и девушку связали арканом. Старший группы на непонятном языке что-то громко сказал. Один из воинов взял оружие и стал подниматься по крутому склону оврага вверх. Князь понял, что выставляется сторожевой пост. Теперь главное – точно определить его расположение. Нукер* занял позицию с таким расчетом, чтобы ему была видна вся окрестность. Василко понимал, что подобраться к посту будет непросто, придется ждать и надеяться, что усталость сделает свое дело. Его надежды стали вскоре сбываться.

Постепенно сон заманил в свои сети путников, а нукер, находящийся на посту, все чаще ронял голову на грудь. Выждав некоторое время, чтобы усталость после ночного перехода сделала сон более крепким, Василко двинулся к спящему постовому. Ящерицей юноша начал перебираться на противоположный берег. Колючие кусты цеплялись за одежду, будто хотели остановить его и оградить от безрассудства. Наконец овраг преодолен.

Дозорный монгол мирно спал, покорившись судьбе. Убедившись, что его товарищи спят, Василко подыскал увесистую палку. Заросли терновника погасили звук глухого удара. Меч и тонкий кинжал придали князю уверенность. Василко сначала хотел расстрелять врагов из лука, но, поразмыслив, отказался от такой затеи: «Если промахнусь, разбужу весь лагерь. Лук, оружие не для князя, а меч – это продолжение его десницы*». (Пояснение слов даны в конце книги)

Осторожно спускаясь, он не терял из виду своих врагов, которые не ведали, что их сон окажется последним. Командир монгольского отряда, положив голову на седло, спал. Его жизнь должна пресечься через несколько мгновений, но злобное ржание дерущихся лошадей бросило его в сторону. Василко рассек мечом только воздух.

Привычный к боям и опасностям, главный нукер успел уйти от удара, но повторный удар рукоятью кинжала опрокинул его наземь. Добывать противника не было времени, на князя уже наседали три нукера. Но они были больше пастухами, чем воинами. Двух из них смерть спеленала и унесла, третий, бросив оружие, пал на колени и просил пощады. Душа юноши не успела зачерстветь, она не позволила убить безоружного противника. В жизни ничего не происходит просто так. Именно этот монгол, по имени Тули, спасет ему жизнь. Крики девушки и священника напомнили Василко, что бой еще не закончен. Меч его первого противника уже рассекает воздух над его головой, над его жизнью. Лишь молниеносная реакция да Бог уберегли князя от верной гибели, он успел увернуться от разящего удара. Лезвие меча, скользнув по плечу, срезало лоскут кожи. Ответный удар поверг противника в глубокое забытие.

Воронок победно заржал, лохматый монгольский жеребец скатывался по крутому склону на дно оврага.

Воевода Данила Савич проснулся в прекрасном расположении духа. Князем провозглашен его любимец и, возможно, будущий зять, а он молод и неопытен. Власть, казалось, сама идет в его руки. Есть много охотников породниться с князем, но его дочь Пелагея красива и стройна. Данила не раз замечал, каким глазами смотрит на нее юный князь.

Тревожные крики вырвали воеводу из радужных грез и обратили в реальность.

– Князя нет нигде!

– Князь пропал!

Данила сорвался с постели и в длинной ночной рубашке выскочил из дома. Молодой сотник по имени Афанасий готовил охранную полусотню к поискам князя. Дружинники, тихо переговариваясь, седлали лошадей, проверяли оружие

«Эх, старый дурень! Лежебока! Размечтался..., – ругал себя воевода, – а вместо меня поиски готовит сотник!»

– Скорее выезжайте на поиски! Почему тянете? Стражей опросил? В каком направлении выехал князь? – он яростно напирал на молодого сотника Афанасия.

– Конечно, опросил, знаю примерно, куда поехал князь.

– Я вас поведу!

– В ночной рубашке? – не удержался съязвить сотник.

– Да я тебя..., – воевода вырвал из рук Афанасия плеть и едва сдержался, чтобы не ударить.

Я прошу меня простить, – склонил голову сотник.

– Не теряйте времени, выезжайте! Я догоню вас. Колонной по два полусотня покинула город и перешла на рысь. Воевода сдержал слово и через некоторое время уже скакал впереди полусотни. Солнце начинало припекать. Железные доспехи накалялись, дружинники пытались хоть на минуту остаться в тени деревьев, но Данила Савич не разрешил снять кольчуги и латы, гнал их вперед. Послышалось ржание дерущихся лошадей, которое доносилось из-за небольшой роши.

– Это Воронок! – тревожно крикнул Афанасий, но чтобы не вызвать недовольствия воеводы, сдержал коня.

По команде Данилы дружина развернулась в лаву. Не встретив противника, через некоторое время дружинники остановили своих коней у края оврага, а затем бросились вниз по склону к Василко, который, еще не остыв от схватки, стоял над поверженными врагами.

– Живой князь!

– Смотри, сколько положил врагов!

– Молодец!

Все на миг забыли, кто есть кто. Дружинники обнимали князя, хлопали по плечам.

Данила кричал:

– Я нашел тебя, я нашел!

Возбуждение понемногу улеглось, Василко поморщился от боли. Кровь закапала с руки.

– Князь ранен, – громко сказал Афанасий.

Пока перевязывали князя, дружинники помогли подняться вверх по склону девушке и священнику. Вчера они присягали князю умом, сегодня сердцем.

– Пленных под замок, священника и девушку определить в моем дворе, – преодолевая боль, скомандовал Василко. – а сейчас к реке.

– В железа, в железа! Заковать пленников! Сбегут! – возразил князю воевода.

– Ты за меня решать будешь? – сдвинул брови Василко.

– Я только предложил. Прости, князь! – замялся Данила. А про себя подумал: «Намаемся с этим мальчишкой, пока приручим».

Дружинники, искупав лошадей, бросались в теплую воду и как дети радовались редкому отдыху и теплой воде. Со стороны могло подумать, что это мальчишки вернулись из «ночного»....

Настороженные горожане встречали князя. Они молча расступались перед колонной всадников, но когда увидели раненого князя и плененных им врагов, гул одобрения и восторга сопровождал весь путь его до замка. Народное уважение к отваге и решительности юного князя с первого дня возвысило его над всеми, вручив ему непререкаемую власть и доверие.

Юсуф жил в мазанке, зарабатывал на хлеб изготовлением глиняной посуды. Жену пока не заимел, но прикупил раба, истинного имени которого не знал никто. За богатырскую силу он получил прозвище Батыр. Еще мальчишкой турки его пленили где-то под Киевом и продали в рабство. Прошел через страдания во многих странах, научился большому количеству профессий, хорошо знал восточные языки. У Юсуфа мня глину, а в долгие зимние вечера рассказывал о своей Родине, где небо высокое и голубое, трава по пояс, вода в речке такая чистая, что дно видно, люди добрые.

Юсуф постепенно познавал русские слова и пытался говорить. Батыр хороший учитель, но иногда к нему приходила тоска, которая превращала его в неуправляемого человека. В такие минуты хозяин побаивался своего раба.

– Отпусти меня! Все равно сбегу!

– Куда побежишь? Кто тебя ждет? Много лет прошло, на твоей родине живут совсем другие люди. И деньги немалые я за тебя заплатил. Вот немного разбогатеем, отпущу. Раб успокаивался, но мечту о побеге не оставлял.

К вечеру ветер поднял пыль, небо окрасилось в желто-серый цвет, даже назойливые мухи куда-то попрятались. Батыр, выплевывая скрипящий на зубах песок, вспоминал чистые пруды и огромных карпов, которых можно ловить голыми руками, искушал хозяина русскими девушками-красавицами, жениться на которых можно без денег. Наоборот, ей причитается приданое.

Легли спать рано, но разговор отгонял сон. Юсуф старательно выговаривал фразы на русском языке и очень радовался, когда у него хорошо получалось. Стук в дверь и крик прервали приятную беседу.

– Открывай! Мы люди эмира! Открывай, или мы поможем!

– В чем дело? – открыв дверь, с тревогой спросил Юсуф.

– Завтра утром на площадь перед дворцом эмира с оружием.

– Зачем?

– Там узнаешь.

– Где я возьму оружие?

– В лавке!

Ветер принес не только пыль, он принес большие перемены в жизни тысяч людей. Пришла война. Тревога, рожденная неизвестностью, не дала уснуть до утра.

Когда Юсуф пришел на место сбора, там толпилось много людей. Площадь тревожно гудела, но никто ничего не знал. Ранее ходили слухи, что монголы опять собираются в поход, чтобы выполнить наказ Чингиз-хана, и их путь может пройти через город. Если это так, то с ними придет разорение и возможно смерть. К толпе вышел человек эмира. Он говорил громко, но из-за гула голосов Юсуф ничего не слышал. Ясно стало одно, что слухи подтвердились. Идут монголы. Никто еще не знал, что передовой отряд монгол уже грабит население на окраине города. Кто-то истошно кричал:

– Монголы пришли! Они грабят и разрушают наши жилища! Что будет с нашими детьми?

После некоторого оцепенения толпа пришла в движение. Юсуф бросился к своей мазанке, но ему пришлось укрыться в развалинах какого-то строения, чтобы не стать жертвой разгрома нукеров.

К Батыру все же пришел сон. Ему снилась высокая трава, но она почему—то не зеленая, а красная, будто окроплена кровью. Дорога, по которой он идет, петляет и идет в гору. Небо свинцово-синее, и только на горизонте светлое пятнышко солнца.

От удара ногой дверь мазанки слетела с одной петли и закачалась, издавая непереносимый скрип. Батыр* (Пояснения слов в конце книги) вскочил с ковра. Перед ним стояли два вооруженных кривыми саблями монгола. Они довольно улыбались, показывая редкие неровные зубы. Узкие щели глаз скрывали зрачки, поэтому было трудно понять, как они поступят через минуту. Когда один из пришельцев обнажил кинжал, Батыр, изображая испуг, стал отходить к стене мазанки. Это забавляло монгола, он, оскалась, игриво взглянул на товарища. Этого мгновения хватило, чтобы нанести сокрушительный удар. Напарник, свалившегося без чувств монгола, взмахнул мечом, но зацепился за низкий потолок мазанки....

Батыр бросил трупы в яму, из которой добывали глину, наспех забросал их землей. К мазанке приближались еще несколько монгольских воинов, ему пришлось спрятаться среди еще невысохших горшков.

Юсуф вернулся домой. Разграбленная мазанка встретила хозяина зияющим проемом сорванной двери. Как жить дальше, он не знал. Все рухнуло в одночасье. Выход представлялся один – идти вместе с монголами покорять страны вечернего солнца. Через несколько дней он стал нукером* (Пояснения слов даны в конце книги) войска хана Батыя. Батыр ушел неведомо куда, выбрав, возможно, смерть. Воевать против русичей или жить в рабстве более не хотел.

Сердобольная Агафья, которую все звали Стряпухой, выполняла обязанности домохозяйки в княжеском доме. Она приютила у себя освобожденную из плена девушку. Слушая сбивчивый рассказ недавней пленницы, плакала и гладила ее по голове.

Девушка, по имени Анна, жила с родителями в небольшой деревушке, которая насчитывала несколько десятков домов. В вечерний час, когда день угас, а ночь сулила спокойный сон, сотня нукеров налетела внезапно. Деревянные избы горели, пламя высвечивало страшную картину: люди мечутся среди пожарищ и гибнут под мечами и стрелами конных нукеров. Ужас охватил несчастных людей. Анна видела, как ее отец, пытаясь защитить свое жилище, свою семью, свалил всадника, но стрела заставила его выпустить топор из слабевших рук. Мать хотела спрятать дочь, но и ее не минула страшная смерть. Молодой десятник монгольского войска набросил на Анну аркан....

Обремененная добычей сотня уходила к основным силам войска хана Батыя. Пленные девушки и юноши, связанные арканами, сидели на запасных лошадях своих теперешних хозяев.

Анна тоже сидела на лошади, ее руки были туго связаны. Она постоянно плакала и просила отпустить ее, но пленная девушка очень понравилась Юсуфу. Он не сводил глаз с ее полуобнаженного тела, с нетерпением ожидая, когда на землю опустится ночь и Анна станет его женой. Сотник предложил за нее золото, но получил отказ, который может стоить молодому десятнику жизни.

Судьба распорядилась по-своему. Лошадь нукера Тули захромала, что заставило Юсуфа подать знак своим воинам остановиться. Осмотрев ногу, Тули вытащил застрявший в копыте острый сучок. Прошло около получаса, когда Юсуф со своими товарищами тронулся вдогонку сотни, которая успела скрыться за пригорком. Перейдя его, они увидели страшное зрелище.

Совсем недавно здесь было поле брани. Убитые лежали в самых ужасных позах, иные рассечены почти надвое, некоторые обезглавлены. Раненые лошади бились в судорогах, пытаясь встать.

Неведомый отряд русичей, не обременяя себя пленными, ушел, захватив недавних невольников с собой.

Нукеры Юсуфа, привыкшие к ужасам смерти, спокойно искали среди убитых добычу. Осматривая убитого сотника, Юсуф очень удивился, когда нашел в его одежде золотую, с летящим соколом пейцзу*. (Пояснения слов даны в конце книги) Увлеченные своим занятием, его сотоварищи ничего не заметили. Спрятав пейцзу в тулуп, который он припас на время будущих холодов, десятник более ничего не взял. Он понимал, что на добычу десятника не разбогатеешь, тем более война – это очередь за смертью, а поэтому главная добыча – это жизнь. Если ему выпадет жить, то пейцза может ему многое открыть или принесет гибель.

Юсуф привел своих нукеров к месту общего сбора, но все смешалось в этом мире. Несколько дней они искали основные силы, но сбились с пути. Десятник решил взять «языка», но человек в длинной черной рясе сам набрел на них. Он повел непрощенных гостей в другую сторону. Когда Юсуф увидел деревни, не тронутые войной, он понял, что его обманули. Священника хотели убить, но подумали, что без него при встрече с населением их просто разорвут.

Нукеры играли в кости на серебряный крест, который непонятным образом еще находился у служителя русского Бога. Повезло Тули. Яростную схватку между святым отцом и Тули Юсуф прекратил, оставив крест у его прежнего владельца, надеясь таким образом задобрить священника, чтобы как-то выяснить обстановку. Он припомнил весь свой словарный запас, которому его научил Батыр.

– Как совет? – Юсуф ткнул священника пальцем в грудь.

– Отец Тихон. А как тебя Бог нарек?

Десятник ничего не понял, но догадался.

– Юсуф.

Первая и, как оказалось, последняя беседа между ними ничего не прояснила, так как священник сам ничего не знал. Но из разговора с Юсуфом Тихон понял, какая беда нависла над Русью.

Тихон стал священником случайно, а возможно, по велению Бога. Жил в небольшом посаде, бегал со сверстниками на речку купаться, рыбу ловить, но случилась беда – умер отец. Мать слегла от какой-то болезни. Все шло к тому, что мальчишка останется сиротой. К тому времени в посаде многие были крещеными, имели христианские имена, но молиться никто толком не умел, да и научить людей было некому. Все сводилось лишь к тому, что жители посада знали, как креститься.

А случись беда, бежали к деревянным изваяниям просить помощи и защиты. От безысходности и страха перед будущим мальчонка прибежал к деревянным богам, стоял перед ними на коленях, просил выздоровления для матери, но идола, как казалось ему, смотрели в сторону. Пытаясь поймать их взгляд, он переходил с места на место, но бесчувственные изваяния отворачивали свои лики. Он плакал и просил, плакал и просил, пока силы не оставили худенькое тело. Сильные руки подняли его и принесли домой. Очнувшись, он увидел людей в длинных одеяниях. Кресты покачивались у них на груди, завораживали взгляд. Священники накормили и успокоили мальчишку, их слова о Боге попали ему прямо в раскрытую душу.

– Бог наш – Отец и Святой Дух создал человека, дал разум, вдохнул в него душу, и только по его повелению может выздороветь твоя мать. Он нарекает тебя именем Тихон.

– Я понял, – лепетал новонареченный, хотя совсем ничего не понимал, но у него появилась надежда на выздоровление матери.

Священники долго оставались в посаде, проповедуя слово Божье. Они звали за собой народ русский к вере, к истине. Тихон следовал за этим словом и впитывал все, что говорили святые отцы. Проповедники ушли, оставив молодому священнику Тихону серебряный крест с изображением распятия Иисуса Христа и несколько икон.

Первый росток веры в лице отца Тихона был очень слаб. Искушения могли просто погубить его, но молодой священник упрямо следовал по пути, указанному сподвижниками Иисуса Христа. Мальчишка с годами вытянулся, повзрослел, носил рясу и серебряный крест, но проповеди молодого священника никто не принимал всерьез. Жители посада посмеивались за его спиной. Мать продолжала болеть, казалось, что этот росток скоро завянет и исчезнет из жизни людской. Тихон пытался ходить по домам, уговаривать, но все верили деревянным идолам. Тогда он решил строить часовню для молитв. Рубил лес, возил, строгал бревна. Мужики посмеивались в бороды, крутили пальцем у виска. Все же помощники нашлись, строительство быстро продвигалось.

Настал день первой молитвы в скромном храме. Тихон стоял на коленях перед иконами Иисуса Христа и Божьей Матери. Он шептал молитвы, отбивал поклоны. Пришедший поглазеть народ по-разному относился к происходящему. Одни с издевкой, другие с интересом. Наконец отец Тихон встал и обратился к собравшимся людям. Наступила полная тишина. Что скажет этот чужак-священник?

– Люди Божьи, мы построили часовню, чтобы вы стали ближе к Богу. Он послал к нам Сына своего едиnorodного, обрек Его на страдания и смерть мученика, чтобы спасти ваши души и привести к истинной вере. Мы милостью Божьей, живем на этом свете, Он дает нам жизнь на земле, зовет к жизни вечной. Кто пойдет за Всевышним Отцом нашим, тот будет спасен, гореть в огне тому, кто пойдет против Его воли. Бог справедлив и милостив!

Тихон вознес святой крест над головой. Багряный луч заката в ту же секунду вынырнул из-за туч, окрасив оструганные бревна часовни в цвет красного золота. Вид часовни поразил многих, будто сам Бог освятил ее. Тихон опустил на колени и с поклоном благодарствовал Всевышнему. Вслед за священником многие, крестясь, опустились на колени. Люди расходились, обсуждая происшедшее событие, но все осталось по-старому, деревянные божества – изваяния владели их сердцами.

Осень принесла моровую язву.* (Пояснения даны в конце книги) Жители посада часами молились липовым богам, но все оставалось по-прежнему. Умерших людей несли на погост почти каждый день. Отец Тихон ходил по дворам, упрашивал прийти к часовне и просить Бога и Сына Его избавить их от напасти.

У скромного храма собралось почти все население посада. Отец Тихон говорил, паства хором повторяла слова молитвы. Хлынул дождь, крупные капли его хлестали молящихся людей по лицам, но никто не ушел. И свершилось чудо: мор прекратился, и даже больные выздоровели. Мать Тихона после многих лет болезни поднялась с постели.

Слух о чудесном избавлении прошел по посадам и деревням. Чтобы услышать слово о Боге, его жизни и Воскрешении, приходили люди издалека. Тихон не отказывал никому. Обучал вере молодых людей, которые решили посвятить себя служению Богу. Теперь никто не смеялся за спиной священника. При встрече с ним кланялись, снимая шапки, учтиво приветствовали:

– Доброго здоровья, батюшка.

– Здравствуй, сын мой!

Жители посада приходили к часовне на проповеди толпами, потянулись к нему за помощью и советом. Молитва стала источником душевного спокойствия людей, их надеждой.

Умер князь Олег. Тихон спешил в городище благословить нового князя, но их встреча произошла совсем не так, как ему представлялось. Священника привели в покои князя, когда солнце обосновалось в зените. Князь и воевода сидели за столом и о чем-то говорили. Тихон стоял у двери, ждал, пока на него обратят внимание, но разговор не заканчивался, он терпеливо молчал. Наконец его пригласили к столу.

– Ты священник? – князь с прищуром взглянул на Тихона.

– Да! Несу слово Божье людям. Пришел благословить тебя на княжение.

– Почему ты считаешь, что я нуждаюсь в твоём благословении?

– Важно, чтобы княжение твое начиналось в добрый час, с благих дел. Тогда Бог будет охранять тебя и твое дело.

– Неужели я так интересен Богу?

– Бог думает о каждой душе и её спасении.

– Ты говоришь, что пришел, но тебя привели. Как ты попал в полон к монголам?

Отец Тихон рассказал о своих приключениях и о страшной беде, которая нависла над Русью.

– О беде мне ведомо, но откуда тебе это известно?

– Ты пленил двух воинов. Один из них немного говорит по-русски. Он поведал мне многое.

– А не лазутчик ли ты? Сеешь панику, высматриваешь секреты.

– Не гневи Бога! Я говорю правду.

– Ты возомнил себя Богом?

– Я священник! Лукавить с тобой и Богом не стану! – отец Тихон сразу преобразился, давая понять, что высший смысл его жизни это служение Отцу и Сыну и Святому Духу. – Тебе, князь, тоже необходимо обратиться к нашему Создателю, ибо твоя жизнь и твои деяния в его руках. Без Божественного благословения твои дела обратятся в прах.

– Ты предсказываешь будущее? Ты волхв*? – усмехнулся Василко.

– Я верую в Бога! Предсказывать не могу, но знаю, что все происходящее на земле, происходит по его воле. Играть словами о вере не стану!

– Я все понял, – князь перешел на примирительный тон, – есть у меня какие-то церковные книги, почитай, а затем расскажешь, в чем их мудрость.

Воевода Данила Савич, до этого молчавший, попросил поселить священника у него. Он сразу смекнул, что через него можно влиять на Василко. Савич привел Тихона домой и наказал дворовым, что за плохое отношение к нему будет сечь.

Юсуфа и Тули заперли в грязном сарае. Они лежали на тулупе, ожидая своей участи. День прошел спокойно, спустилась ночь. Голова Юсуфа после перенесенных ударов ныла, но физические страдания мало волновали его. Смерть уже занесла свою косу над его головой, оставалось только ждать, когда она эту косу опустит. Почти до утра он не мог уснуть. Когда восток стал белесым, ему приснился сон.

Анна манит его к себе и убегает. Он ее догнать не может. Она опять его манит и опять убегает. От бессилия Юсуф плачет, но продолжает преследовать ее. Наконец она в его руках, они падают на еще теплую от солнца траву. Раскат грома вырвал Юсуфа из сказочного сна. На воле шел летний дождь. Пленник подошел к двери сарая и через ее щели ловил губами теплые капли, пытаясь утолить жажду тела и души.

В заточении прошло несколько дней. Приходили только служки, приносили еду и молча удалялись. Сегодня пришли стражники. Скрип открываемых засовов заставил сжаться сердца пленников в предчувствии смерти.

– Вот и пришла последняя минута моей жизни, – обреченно подумал Юсуф.

– Нас призывает к себе бог Сульде* (Пояснения слов даны в конце книги), – прошептал Тули пересохшими губами.

Стража вывела из сарая только Юсуфа. Его вели к князю, встречающие люди сторонились и кричали проклятия. Слухи о зверствах монгол уже просочились в город. В светлице князь усадил его на лавку, сам сел напротив.

– Мне сказал священник, что ты немного умеешь говорить на нашем языке. Это правда?

– Да. У меня раб была урус. Она меня научил.

– Расскажи мне о дружине, в которой ты воевал.

Юсуф жестами и словам долго рассказывал о войске, которому нет числа. Когда оно наступает, занимает все видимое пространство, которое можно охватить взглядом. Воины не знают страха. Если струсит один нукер, казнят весь десяток, струсит десяток, ломают хребты всей сотне.

– Почему не разбегается такое войско?

– Куда бежать? Позади выжженная земля, вокруг враги.

– Кто ведет это войско?

– Непобедимый внук Чингиз-хана, хан Батый.

Еще долго говорили о построениях полков при битвах, о приемах и хитростях ведения боя.

Тули радовался как ребенок, когда Юсуфа привели обратно в сарай. —

– Может, еще поживем....

В полубреду Анна назвала Стряпуху мамой. Заботливая старуха с помощью отваров и ласки, быстро поставила девушку на ноги. Когда недавняя пленница вспоминала о пережитом, бежала к своей новой маме, по-детски прижималась к ней всем телом и просила:

– Мама! Мамочка, спаси меня!

Агафья роняла слезу, целовала ее и шептала:

– Никто тебя не тронет, доченька! У нас есть защитник!

– Мама, кто нас защитит?

– Василко! – старуха и подумать не могла, что зажигает огонек любви в беззащитном сердце.

– Мама, пойдем сейчас на луг собирать цветы.

– Первый раз схожу, потом сама.

Анна бегала по лугу, собирая цветы, затем свила венок и надела его себе на голову.

– Какая ты у меня красавица! – умилялась Стряпуха. – Идем домой, уже пора.

– Так быстро? – Анна всем видом показывала, что хочет остаться.

– Хорошо, я пошла домой. Ты не задерживайся.

– Мама, останься!

– У меня много работы, Василко собирает совет, – старушка заковыляла к себе.

Слухи о страшном нашествии татар и монгол множились и ширились, пугали людей. То, что беда придет, подтверждали первые беженцы. Их рассказы о страшных злодеяниях, когда

насилуют матерей на глазах у детей, а потом сжигают, заставили прятать продукты, не выпускать детей гулять. Людей мучил вопрос: «Как сберечь семью, куда бежать?»

Князь собрал совет из боярской думы и богатых людей. Зная, что придется расстаться с некой суммой денег, пришли далеко не все. На лавках восседали люди разных возрастов и мнений. Ждали князя. Говорили о последних событиях, обсуждали слухи.

Василко вошел стремительной походкой. Все встали и склонились в приветственном поклоне. Окинув быстрым взглядом зал, он спросил:

– Почему не все? Много больных и хитрых? – голос звучал иронией и безразличностью. – Передайте всем, что монголы не шутят, а убивают всех, даже грудных детей. Защищаться надо всем, а не прятаться за спины других. Я покажу вам настоящего татарина, который воевал и убивал.

Василко кликнул окольного* (Пояснения слов даны в конце книги) и дал команду привести Юсуфа.

– Интересно посмотреть, что за молодец? – присутствующие еще не поняли ответственность момента и хорохорились.

Ввели Юсуфа. Любопытные поднялись со своих мест, пытались даже пощупать, чтобы узнать, из какого теста он слеплен.

– Эка невидаль! И не таких бывали.

– Расскажи моим боярам все, о чем мы с тобой говорили.

– Десятник от волнения путал татарские и русские слова, рассказывал о непобедимости и жестокости войск Бату-хана.

Настроение в зале менялось.

– Его убить надо! Казнить! Казнить! – наперебой кричали бояре.

– Казнить дело нехитрое, надо узнать у него все хитрости и повадки врага. Это намного полезнее. Отведите его к гончарам Спиридона, может у него там лучше получится, чем владеть мечом.

Последние слова Василко повернули его судьбу и судьбы многих людей на трудный и опасный путь. Но князь не ведал об этом. Ах, если бы знать все наперед...

Стражник выводил Юсуфа через черный выход. В дверях они столкнулись с Анной, которая возвращалась после прогулки. Цветы выпали из ее рук, образовав на полу затейливый букет. Юсуф присел, чтобы помочь собрать букет, но стражник грубо толкнул его в спину.

Но это не помешало пленнику заглянуть в глаза и коснуться руки Анны. Князь суровым взглядом обвел высокое собрание:

– Что же вы приумолкли? Не слышно смеха. Но это еще не все. Позовите Анну.

Девушка вошла, ее голубые глаза настороженно взирали на притихший зал.

– Откуда такая красавица?

– Молодец, Василко! Не теряет время попусту!

– Мне бы такую...

– Вам бы только блудить! Окаянные! – Стряпуха стала надвигаться своей необъятной грудью на сидящих мужчин, – смотрите у меня. Она погрозила всем кулаком.

Василко, выждав пока уляжется возбуждение в зале, предложил Анне рассказать о ее последних злоключениях.

– Не мучайте, окаянные, дитя! – названная мать загородила собой девушку.

Анна находилась еще под впечатлением прогулки, никак не ожидала возвращения в страшное прошлое.

– Никто ее мучить не станет, просто она расскажет о набеге монголов на ее деревню, – остановил Василко Стряпуху.

При упоминании о монголах у девушки хлынули слезы. Она едва держалась на ногах.

– Говорю же, не мучайте дитя! Я вам все перескажу.

Агафья обняла Анну за плечи.

Рассказ ее длился недолго, но оставил глубокое впечатление у бояр и владельцев ремесел. Возможно, каждый из них впервые всерьез испугался за семью и за своих детей. Анна качнулась и стала медленно оседать.

Василко едва успел ее подхватить. На руках он внес девушку в боковую светлицу. Стряпуха квочкой носилась вокруг князя:

– Говорила же, не трогайте дитя. Не послушали. У- у мужичье!

Василко положил Анну и впервые взглянул на нее с интересом мужчины. Стряпуха вытолкала Василко из светлицы.

– Иди нечего тебе здесь делать!

Князь вернулся в зал к боярам. Они галдели, спорили, перебивая друг друга. Василко потребовал тишины:

– Успокойтесь. Вы, наверное, поняли, что откупиться от монголов не удастся. Нам никто не поможет, все разгромлены. Нужны деньги для строительства крепости и баз в лесу, где население может спрятаться от кровожадного хана Батыя. Завтра каждый узнает, сколько и когда нужно внести денег в казну. Я не советую жадничать. Кто не даст денег, тот останется без всякой защиты.

Бояре ушли. Василко заглянул в светлицу Анны. Агафьи не было. Он подошел к спящей девушке, взял ее руку, задумчиво произнес:

– Тебя зовут Анна, а я Василко.

Девушка открыла глаза и испуганно отстранилась.

– Не бойся! Я совсем не страшный!

Агафья влетела в светлицу.

– Как она себя чувствует? – опередил он ее вопрос.

– Уже хорошо. Иди отсюда! Поведился! – бесцеремонно выталкивая Василко из светлицы, она думала: «Что теперь будет!? Что теперь будет!?!»

Анна смотрела на эту беззловонную борьбу и улыбалась. Руку ее жгло от его прикосновения. Ей не хотелось, чтобы он уходил и уносил ее сердце.

Стряпуха имела неограниченные права в доме князя Олега, который не раз спасался бегством. Василко ничего не стал менять и благоразумно отступил.

Юсуф вошел в сарай, и радостно объявил, что им с Тули позволено жить и даже работать. Он улегся на тулуп и мечтательно прикрыл глаза. Ему еще не удалось выбраться из омута ее глаз.

Тули прыгал от радости.

Утром следующего дня их отвели к Спиридону, который владел ремеслом по изготовлению, глиняной посуды.

У Афанасия родители умерли рано. Он рано познал тяжелый труд. Его страстью было оружие. Он любил слушать рассказы бывалых воинов о походах и яростных битвах. В мечтах своих видел себя прославленным полководцем.

Палкой, похожей на меч, он разил в поединках своих сверстников.

Мальчишки из бедных семей образовали дружную команду, которую Афанасий водил на сражения с отроками* (Пояснения даны в конце книги) из состоятельных фамилий. За счет дружбы, упорства и природной смекалки все сражения они выигрывали.

Это очень раздражало его противников. Однажды его подловили одного и жестоко избили. Хороший урок пошел ему на пользу. Его стало трудно застать врасплох. Через многие годы этот урок сослужит ему добрую службу.

В ватаге противника появился худенький мальчик, сын торговца лесом. Звали его Звяга. Он долгое время проводил с отцом в лесу, умел распознавать следы зверей, за что получил кличку Леший. Бился он короткой изогнутой палкой. За счет подвижности и хорошей реакции, его никто не мог победить. В последней битве «погибли» все «воины», но продолжали сражаться Афанасий и Звяга.

Обе ватаги поддерживали советами и криками своих вожаков. Один обрушивал на противника могучие удары, другой уходил от них, норовя нанести решающий укол. Время шло, но победитель не определялся. Рука Афанасия устала, он уже не нападает, а только отбивается от яростных атак. Его товарищи, сжав кулаки, стонали.

- Держись, Афанасий, Дерржж-ись!
- Давай, Звяга! Да-ав-ай!
- Добей его, Леший!
- Кончай его!
- Радостные крики команды Звяги звучали все сильнее.

Вдруг наступила тишина. У Звяги сломалась палка-меч, он оказался совершенно беззащитным перед противником. Теперь уже другая ватага требовала разящего удара и победы, но Афанасий разрешил поменять «меч». Поединок не возобновился, зато родилась крепкая мужская дружба на многие годы.

В дальнейшем их поединки заканчивались с переменным успехом. Князь Олег, проезжая мимо «битвы», увидел поединок друзей. Они ему очень понравились. Вскоре, к ним присоединился его сын Василко.

С тех пор у трех мальчишек появились настоящие мечи. Их обучал настоящий мастер владения оружием. Старый воин, прошедший битвы, научил ребят многому, он знал, какая жестокая и опасная жизнь их поджидает.

Однажды тройка отроков проводила время на реке. Так случилось, что туда же пришли купаться девочки. Они бежали к воде, не замечая мальчишек, на ходу сбрасывали с себя одежды.

Отроки притаились, боясь себя выдать. Первое влечение вынудило их смотреть широко раскрытыми глазами на еще не оформившиеся девичьи округлости и оттопыренные соски. Веселый крик, смех, брызги, девочки плещутся в воде. Василко опомнился первый. Он дал команду: «Делай как я!»

Через несколько минут они спрятали девичью одежду и скрылись за кустами, предвкушая зрелище. Девочки, не стеснясь никого, вышли из воды и... Одежды нет! Они заметались по берегу, прикрывая руками наготу. Сарафаны все же удалось найти, но в спешке их трудно надеть на мокрые тела. У одной из девочек это удалось быстрее других, и она погрозила кулаком неведомым «злодеям».

А «злодеи», открыв рты, смотрели на диво, а когда девочки убежали, пожалели, что плохо спрятали сарафаны.

Отроки стали юношами, а девочки – девушками.

Как девушки выявили «злодеев», история умалчивает. Мсть пришла, когда ее не ждали. В морозный день, когда солнце светит ярко, но ему удастся лишь вызвать капель, наши герои пошли в баню. Жаркая русская баня с паром и вениками сделала тела розовыми. Выйдя в предбанник выпить кваса, Василко обнаружил, что одежды нет. Первым вокруг бани сбегал смелый Звяга, за ним Афанасий, но результат один – одежды нет. Звяга приготовился в повторный забег, но Василко остановил его: «Моя затея с девчонками, я тоже побегу». Он принес подброшенную кем-то одежду.

Одеваясь, они без злобы придумывали ответный ход. Выйдя из бани, они увидели девушек, которые торжествующе строили им рожицы. Война вспыхнула мгновенно, образовав

хохочущую кучу-малу. Поражение все же потерпели юноши, которые, натерев лица девушек снегом, сделали их еще красивее. Их сердца попали в плен, но они не жалели об этом.

Тройственный мир заключили быстро. Афанасий проводил к дому Устинью, Звяга – Таисию. Василко остался с дочерью воеводы Пелагеей.

На следующий день девушки с алым румянцем на щеках переживали вчерашнее событие. Удивлялись только: почему княжеское тело ничем не отличается от других? Помня, что Пелагея осталась с Василко, Устинья и Таисия вопросительно смотрели на подругу, но она еще сама не постигла такой мудрости.

Беженцы осаждали ворота города. Каждый день их становилось все больше. Они рыли землянки, брались за любую работу, чтобы как-то прокормиться. Князь был встревожен. Такое количество прибывших людей может привести зимой к голоду и столкновениям. Урожай оказался хороший, но удастся ли его собрать, знает только Бог. Отец Тихон убеждал князя:

– Прогонять людей на верную смерть – это не по-христиански.

– А если они умрут в городе, будет лучше? А погромы – это лучше?

– Необходимо посылать людей на заготовку всего съестного в леса. Собирать орехи, ягоды, грибы, ловить рыбу. Осенью просить охотников заготавливать мясо медведей...

– Засаливать мясо и рыбу нечем. Кто знает, вернутся ли наши купцы, уехавшие за солью или нет? Время-то лихое.

– Бог милостив! Переживем зиму!

– Надеюсь...

У ворот города стоял оборванец. Его одежда истлела, и едва держалась на его мускулистом теле. Стража от скуки забавлялась над ним, просила денежку за вход в город, хотя точно знала, что у него нет ничего. Мужчина лет двадцати пяти крепкого телосложения, отшучивался, показывал фокусы. Охранники дали ему поесть, но не хотели отпускать. Уж очень забавный был мужик. Неожиданно настроение у стражников резко изменилось.

– Прочь! Прочь! Дорогу князю! Запыленный и уставший отряд всадников приблизился к воротам. Створки ворот распахнулись, готовые пропустить отряд, но князь, ехавший во главе, остановился. Он почему-то внимательно смотрел на пришельца. Глаза их встретились.

– Вот этого завтра ко мне! – дружинники увели мужика, лишив стражу развлечения.

– Зачем он тебе, князь? – поинтересовался сотник.

– Не знаю. Он нищий странник, но взгляд у него не раба. Этот человек не имеет одежды, но у него много ума и жизненного опыта.

– Как можно увидеть такое в человеке?

– Глаза умные, смотрят с достоинством.

Утром князь вызвал к себе Звягу и Афанасия.

– Доброго здоровья тебе, князь! – вошли с приветствием Звяга и Афанасий.

– Многая лета тебе, князь.

– Вам тоже пребывать в добром здравии! Дай команду, чтобы привели вчерашнего мужика.

– Он уже здесь, – откликнулся Афанасий.

– Пусть заходит.

Вошедший был совершенно не похож на вчерашнего нищего. Одет прилично и выше ростом.

– Кого ты привел? – Василко посмотрел на Афанасия.

– Он просто побывал в бане. Не мог же я привести его к тебе в той одежде.

– Проходи, садись. Как зовут тебя, странник? – князь указал рукой на лавку.

- Мать в детстве звала Еремей.
- Откуда путь держишь?
- Путь мой долгий и трудный, много где был, много всего видел.
- В битвах участие принимал?
- Нет. Я был рабом во многих странах. Строил крепости.
- Ты знаешь, как устроены заморские твердыни?
- Знаю, князь.
- Может, ты лазутчик?
- Твоя крепостная стена гнилая. Она похожа на забор, который может повалить ветер.

Поэтому лазутчику делать здесь нечего.

- Какая же она должна быть?

– Стена крепости это не частокол, а высокое, мощное строение, которое может выдерживать удары камнемётательных орудий и труднодоступной для врагов. Толщина стены должна быть до восьми локтей. Устройство ворот должно быть таким, чтобы никакой таран их расшибить не мог.

- Мудрено ты говоришь. Таких стен нет на Руси.
- Вот и колотит всех Батыга.

Пропустив дерзость, Василко быстро взглянул на своих друзей, будто ему потребовался совет и поддержка.

- Что делать будем?

- Ты о чем? – не понял Звяга.

– Я вас вызвал как раз по строительству лесных селений и крепости. Будто по заказу, пришел человек, ведающий в этом деле. Но как довериться ему?

- Не похож он на лазутчика и врага. Присмотрим за ним.

– Нет, смотреть за ним не надо, если станет в наш строй, пусть работает не за страх, а за совесть. Послушай, Еремей! Мы приглашаем тебя к нам. Строить надо много и умело.

- С радостью, но я человек пришлый. Кто слушать меня станет?

- Отныне ты боярин мой. Кто посмеет ослушаться тебя, тот не услышал князя.

- Благодарю тебя, князь.

- Как звали отца твоего?

- Мой отец, киевский боярин, звали его Федор.

- Почему сразу не сказал, что ты потомственный боярин?

- Никто бы не поверил, только вызвал бы смех и недоверие.

– Ты прав, Еремей Федорович. Если все так, как ты говоришь, то тебя послал ко мне сам Бог.

- Не сомневайся, Василко Олегович, я все сделаю.

- Итак, Еремей и Звяга, через неделю вы приходите ко мне со своими предложениями.

- Звяга и новоявленный боярин поклонились и вышли.

Данила Савич пришел домой усталый. У него было два желания – поесть и лечь спать. Он уплетал, подаваемую женой снедь, когда через открытую в светлицу дверь, увидел диво. Тихон стоял на коленях, шептал и кланялся, становясь на четвереньки.

- Что это с ним? – поперхнулся Данила.

- Молится Богу.

К этому времени отец Тихон встал с коленей, еще раз перекрестился. Войдя в горницу, он приветствовал хозяина.

- Спаси Христос тебя, Данила.

- Зачем меня спасать? Мне никто не угрожает.
- Все в руках Бога нашего. Нам о жизни земной ничего неизвестно, сын мой.
- Какой я тебе сын? Ничего не понимаю! Рассказывай все как есть!

Данила внимал повествованию отца Тихона о божественном рождении мальчика по имени Иисус, о его жизни, мученической смерти и воскрешении.

Мало что понял воевода, но рассказ задел его душу. Ночью он ворочался, ему казалось, что из темноты ночи на него смотрят глаза Бога. Под утро приснился сон.

Идет он по тонкому льду. Под его тяжестью лед прогибается, еще мгновение и стылая вода сомкнется над его головой. Жена и дочь Пелагея просят вернуться, но неизвестная сила толкает вперед. Вода хлопает под ступнями. Противоположный берег уже близок, там какие-то люди, они просят о помощи.

Данила проснулся в холодном поту. Утром попросил
Ефросинью узнать у священника толкование этого сна.

После молитвы Тихон сел за стол завтракать. Хозяйка, подавая на стол, поинтересовалась:

- Святой отец, к чему бывают сны?
- Священник некоторое время помолчал, видимо вопрос оказался трудным.
- Молись, дочь моя, все в свое время тебе откроется.

Рассказы о Боге, его Сыне Иисусе Христе нашли в душе жены воеводы, благодатную почву. Со временем к ней присоединились ее подружки. Через некоторое время места для всех желающих приобщиться к новой вере в доме и дворе воеводы не хватало.

Крещение и новые имена приняли почти все прихожане, которые ранее не приняли христианство. Приняли сами и привели детей своих. Все больше крестилось мужчин, но на молебны они приходили редко. В конце воскресной молитвы, Тихон объявил, что пойдет поутру к князю, с просьбой о строительстве церкви.

Василко проснулся в отличном расположении духа. Завтракая, он следил за солнечным зайчиком, который со стены перебрался на ковш с водой, коснулся ее, и сразу на потолке появился другой зайчик с цветами радуги. Стряпуха радовалась маленькому чуду и толковала это диво на свой лад:

- К нам скоро придет счастье!
- Какого счастья ты ждешь?
- Мое счастье – это благополучие нашего дома.
- Вошел окольничий.
- Прости, князь, но дело неотложное.
- Подожди! Пришла радуга.

Недолго они дивились диву, несмотря на то, что Василко переставлял ковш с водой, радуга ушла, и не вернулась.

- Что там у тебя? Сказывай.
- Священник пришел. К тебе просится.
- Что здесь неотложного?
- С ним целая толпа.
- Я сейчас выйду.

Василко вышел на крыльцо в полном княжеском облиии. Свежий утренний ветер шевелил русые волосы, будто подчеркивая стать князя. Отец Тихон и его паства отбила земной поклон.

- Разреши слово молвить, княже.

– Говори.
– Пришли мы с просьбой великой.
– Я слушаю.
– Церковь надо строить.
– Какая церковь? Враг у порога. Крепость нужна. Придет монгол и сожжет вашу церковь.

– Ошибаешься, князь, Бог милостив. Он оборонит нас. Нужно только молиться ему, а молиться негде.

Прихожан становилось все больше, они заполнили всю площадь.

Василко, окинув взглядом толпу, вдруг понял, что народ его уже не надеется на княжескую защиту, он ищет ее в вере. Если за короткое время священник сплотил вокруг себя столько людей, то это только поможет в борьбе со злым монголом.

– Хорошо! Будем строить церковь на этой площади. Отец Тихон придет ко мне, мы решим все вопросы.

Народ низко поклонился.

– Спаси, Христос. Спаси Боже тебя, князь!

Благодарные люди уходили, в их умах Василко еще больше возвысился в сердцах народа, молодого князя полюбили.

С этого дня Тихон стал жить у князя.

Юсуф и Тули работали у Спиридона с раннего утра до позднего вечера. Таскали глину и воду. Приходили в сарай и падали на тулуп в изнеможении. Шли дни, к работе постепенно привыкли, втянулись. Однажды станок гончара оказался незанятым. В минуту отдыха Юсуф на свой страх и риск сел за него. Вокруг него собралась целая толпа. Перерыв закончился, но все смотрели на точные движения рук мастера, которые творили чудо. Спиридон был готов пустить в ход плетель, но, увидев творение, изумился: «Откуда такая красота?» Ваза изящной формы почти готова, осталось только любоваться ею.

Впоследствии, когда творение искусства высушат, распишут и обожгут, Спиридон отошлет ее князю в знак благодарности за хорошего работника. С этого памятного дня Юсуф стал работать на столе мастера.

Доходы Спиридона заметно выросли. В его лавке всегда толпились женщины, выбирая посуду. Они обсуждали новости, а когда их не было, сами их придумывали. Не одному мужику перемыли косточки. Иногда вспыхивали женские разборки с криком и руганью. Однажды дело дошло до потасовки. Дородная баба схватила соперницу за волосы, а та, чтобы освободиться, подняла ей подол. Всем стало весело, а баба проворно убежала.

У Юсуфа появились средства, за которые он мог купить еду, одежду. Он часто размышлял о своем положении.

Перед бывшим десятником встал выбор: остаться в городе навсегда или бежать. Но побег без основательной подготовки невозможен. Нужен хороший конь, продукты и, самое главное, нужно определиться, куда направить свои стопы. Такого места Юсуф не знал. К тому же это опасная затея. При соприкосновении с русским населением его ждет неминуемая гибель. В глубине души он надеялся, что Анна каким-то образом окажется с ним. Он решил остаться, но собирать сведения об обстоятельствах, которые могут помочь совершить побег.

Дождливая холодная ночь напомнила, что не за горами зима. Нужен хороший теплый дом. Рубить избу из брёвен они не умели, поэтому Тули предложил строить мазанку из самана* (Пояснения даны в конце книги). В свободные минуты лепили саман, сушили, чем вызвали

у местного населения неподдельный интерес. Именно этот способ строительства во многом помог в возведении крепости.

Мало-помалу стены дома подрастали.

Со временем Стряпуха начала замечать, что Василко старается встретиться с Анной. Несколько раз она выпроваживала его из светлицы. Но он под предлогом и без предлога возвращался.

Анна ходила на луг, но плести венки не получалось. Ей мечталось, чтобы пришел Василко, но боялась даже надеяться на это. Сколько бы тропинкам, по которым ходят влюбленные, не виться, они обязательно пересекутся. Все случилось именно так. Василко подошел к Анне, совсем не с той, стороны, куда глазоньки ее смотрели. Они несколько мгновений стояли напротив друг друга. Лучи ее голубых глаз влекли и ласкали. Он шагнул к ним навстречу. Она не сопротивлялась, а крепко-крепко прижала его к себе. Мягкая трава ласково приняла их в свои душистые объятия.

Возвращались они, не таясь, взявшись за руки. Им не было преград. Нарушены обычаи, но то, что нельзя простым людям, то с легкостью случилось с князем. Увидев молодую пару, Стряпуха рухнула на лавку.

– Ах, я старая карга, как же я вас прозевала. – Она схватила тряпку и пыталась догнать влюбленных, но силы оказались неравны, парочка со смехом убежала.

– Не сердись, мамочка, скоро мы сыграем свадьбу, – пообещала счастливая Анна.

– Она моя жена, моя лада! – подтвердил Василко.

– Подойди ко мне, дочка.

Агафья подошла к сундуку, вытащила белый платок и повязала его на голову Анны.

– Мама! Зачем это?

– В нем большая сила. Ты теперь мужняя жена! Негоже тебе ходить простоволосой.

– Но...

– Бог уже соединил вас. Свадьба это для людей.

Анна благодарно прижалась к старухе, заглянула ей в глаза:

– Спаси, Боже, тебя, мама!

В лавке Спиридона не протолкнуться. Но никто ничего не покупает. Про «свадьбу» князя люди говорили шепотом, а досужие сплетницы, в открытую смеялись, на ходу придумывая небылицы. Весть молнией разнеслась по городу и коснулась ушей Данилы Савича. Вернулся домой чернее тучи. Пелагея плакала на груди у матери.

– Мама, как же так, он ведь мой! Как он мог, как он мог?

– Успокойся, доченька, видно не судьба.

– Не быть моей доченьке княгиней! – прощался с розовыми мечтами воевода.

Задолго до нашествия монгол отец Василко, князь Олег, с семьей гостил у своего брата Андрея. Там познакомился с его охранником Фомой. Впоследствии, когда пришли монголы, гонцы князя Андрея сгинули в пути, а с ними и призыв о помощи.

После битвы Фома, некоторое время отсиживался в лесах, затем вернулся к своему сожженному дому. Его сосед Силантий сидел у останков своей семьи, чуть поодаль лежали три убитых монгола. К утру на городском погосте выросло три холмика с крестами из двух палок, связанных веревкой.

Только потом Фома узнал подробности гибели семьи своего соседа. Силантий немного опоздал, чтобы спасти жену и двух сыновей....

Три монгола набросились на жену кузнеца Силантия. Сыновья бросились с кольями на выручку матери, но силы были не равны. ... Истерзанная женщина бросилась на насильников и пала от удара кинжала. Довольные нукеры посмеивались.

– Корош уруска! Корош, – почему-то по-русски говорили они.

Они не видели, как подошел глава убитого семейства. Двоих он стукнул лбами, расколов черепа, как яичную скорлупу. Третий схватился за меч, но, поняв, что кол в руках гиганта убедительнее, выстрелил в него из лука. Стрела попала в распахнутую полу кетменя* (Пояснения даны в конце книги), пробила ее, сделав кувырок, повисла. Монгол попытался бежать, но кол сбил его с ног. Силантий медленно подходил к своей жертве, вытаскивая из полы стрелу.

– Кор-рош ур-р-рус? Кор-ро-ош!? – приговаривал он, медленно вгоняя наконечник стрелы насильнику в горло.

После долгих скитаний Фома и Силантий пришли к князю Олегу, но его уже не было в живых, Василко назначил Фому заведовать тайным приказом* (Пояснения даны в конце книги), Силантия определили в кузнецы.

В город вошел человек, для беженца неплохо одетый. Его пытливый взгляд постоянно что-то искал. Этот странный человек поселился у одинокой вдовы Василисы. Чем он покориł эту бойкую и красивую, чуть начавшую полнеть бабенку, никто не знает. К ней заходили многие мужчины, пытаясь завлечь ее молодостью, удалью или проседью в волосах, но все уходило от нее «несолоно хлебавши». Сосед вдовы, дряхлый старикашка, сидя на гнилом бревне, шамкал вслед очередному неудачнику: «Куда прешь? Она даже меня к себе не подпускает!»

Злые языки говорили, что она отказала даже князю Олегу.

С приходом этого человека Василиса перестала отвечать на язвительные выпады завистниц. Ее бойкий и крутой нрав ушел в заботу и покорность своему новому мужу Терентию. Он играл в кости, чем добывал средства на жизнь. Иногда ему мяли бока, но как только становилось легче, начинал играть вновь. Так случилось и на этот раз. Терентий искал очередную жертву. От реки шел подвыпивший рыбак. Его сума наполнена рыбой.

– Где столько рыбы можно поймать? Видимо, ты настоящий рыбак!

– Мужичка качнуло, он долго искал глазами объект, нарушивший его блаженство.

– Да я рыбак! Ни-и-кто не смо-жж-ет со мной сра-а-вниться.

– Я смогу!

– Дав-вай по-о-пробуем.

– Давай, но сначала по чуть-чуть выпьем.

Выпили. Завязался разговор.

Рыбачить ты умеешь, а играть в кости нет. Давай научу.

– Давай.

Через некоторое время мужичок с легкостью переигрывал учителя.

– Может, сыграем по-настоящему?

– Конечно.

Терентий проигрывал, ставки увеличивались. У мужичка голова шла кругом от успеха, но через несколько минут он лишился своего выигрыша и распрощался с уловом.

Удачливый игрок по-хозяйски собирался домой, но мужичок быстро протрезвел.

– Подожди, милейший, я Фома, заведуя княжеским тайным приказом, идем со мной, там и рыбку поджарим.

– Я ничего плохого не сделал! Зачем мне идти с тобой?

– Пойдем, пойдем. Там расскажешь о хорошем и плохом. Если хочешь жить, не вздумай бежать, не делай себе пакости.

Служки Фомы стали по бокам задержанного игрока....

Фома привел Терентия в кузницу, усадил напротив себя.

– Рассказывай мил-человек, кто тебя к нам прислал?

– Пришел сам и по своей воле.

– Почему ты плохо говоришь на русском языке?

– Пока скитался, забыл.

– Не хочешь говорить, заставим. Силантий готов дыбу*.

Кузнец привязал концы веревки за запястья рук. Но поднимать Терентия над землей не спешил. Вложив жигало в горно, стал, размерено качать мехами. Терентий смотрел на огонь, который то вспыхивал ярко-синими языками, то безжизненно коптил. Голова его работала четко. По поведению Фомы и кузнеца он догадывался, что его пока просто пугают. Но что будет потом? Придется рассказывать свою историю, но поверят ли. Терентий задал себе вопрос, на который не было ответа: «Почему его взяли, что им известно? Сказать правду – повесят. Если начну врать, а им что-то известно – тогда точно повесят».

Вечерние лучи солнца погасли, пришлось зажечь факел, который нещадно чадил, а когда тянуло сквозняком, его пламя трепетало, готовое погаснуть. Тени на закопченных стенах, от людей и предметов из-за этого метались и вздрагивали, будто нечистая сила отплясывала свой танец.

Кузнец вытащил жигало из огня, нетерпеливые звездочки-искры отрывались от него, вспыхнув, гасли.

– Меня не подвесили, – машинально отметил мозг, значит еще не будут пытаться, пугают.

В следующую минуту произошло непредвиденное. В кузницу влетела Василиса. Вырвав из рук Силантия жигало, бросила в кадку с водой. Раскаленное железо сердито зашипело, испустив едкий запах окалины.

– Не смейте его трогать! Он ни в чем не виноват!

– А ты кем ему доводишься?

– Я его жена! – Василиса для убедительности, сжав кулаки, сделала шаг к Фоме.

– Вот у тебя мы узнаем все о твоём муже. Вяжи ее, Силантий.

– Не трогайте ее, я все скажу.

– Не ожидая такого поворота событий, Василиса смотрела на мужа, широко раскрыв глаза.

– В чем ты виновен? – она со слезами, бросилась к Терентию, больно колотя маленькими кулачками в грудь.

– Иди домой, все будет хорошо, я тебе все потом объясню.

– Я никуда не пойду!

– Не делай хуже ни себе, ни мне! Я прошу тебя, иди домой, любимая! – он тихонько подтолкнул ее к выходу.

Она, часто оглядываясь, вышла.

– Мы тебя слушаем.

– Я расскажу всю мою историю.

– Очень интересно послушать.

Семья, в которой я родился, оказалась в Византии. Мой отец изучал там «Слово Божье», а потом ушел с миссией и пропал. Когда мне было около десяти лет, умерла мать. Перед смер-

тью она много рассказывала о Родине, которую очень любила. Она наказала мне вернуться на землю Руси.

Мальчишкой скитался по странам. Чтобы прокормиться, научился играть в кости, стрелять из лука. Много чему еще. Когда узнал, что монголы идут на Русь, примкнул к ним, но я не воевал против своих, я не убил ни одного русского человека. Я понимаю, что этого доказать не смогу. Только за то, что я был у монголов, вы вправе меня повесить.

– Как же тебе удавалось быть в бою и не убивать? – Фома недоверчиво взглянул на Терентия.

– Вначале у них нукеров было хоть отбавляй, но после больших потерь меня заставили идти в бой. Когда я увидел, что монголы и татары убивают безвинных женщин и детей, я стал стрелять в них из лука, пока не убил всех, кто был рядом со мной. Я ушел, вернее, уехал, куда глаза глядят. Продал коня и с беженцами вошел в ваш город.

Силантий давно сидел рядом с Терентием, глаза его наполнились слезами. Он вспоминал свою семью.

– Ты сказал правду, свободен до утра. Утром придешь к князю.

– Почему, мне поверили?

– Один из беженцев узнал тебя, а главное он рассказал нам ту же историю о набеге.

Терентий, не веря своей свободе, стоял на месте.

– Иди, иди, да не забудь завтра подойти к князю.

Когда Терентий вышел, Силантий сказал Фоме:

– Попугали и достаточно! Больше ко мне с такими просьбами не подходи! Я чувствовал себя монголом.

Василиса не ушла домой, затаившись у двери, слушала весь горький рассказ мужа. Когда он вышел из кузницы, она бросилась к нему.

– Прости меня, за то, что я усомнилась тебе!

– Все хорошо, идем домой.

Юсуф и Тули завершили кладку мазанки, но ночью ее кто-то разрушил. Пришлось возводить стены вновь, но кому-то не нравилось присутствие монгол в городе, стены опять развалили. Так продолжалось некоторое время. Одни строили, другие рушили. Охранять строящийся дом не решились, могли просто убить. Упорнее оказались монголы. Кому-то надоело валить, а возможно просто стали уважать упорство.

Спустился на землю обыкновенный вечер, люди хлопотали по хозяйству, молодежь рядилась на ночные гуляния. Юсуф отдыхал после рабочего дня. Показались яркие звезды. Они равнодушно мерцали в небесной дали, им не было дела до его душевного состояния. Юсуф мечтал об Анне. Яркая звезда на самой вершине небесного купола скрылась за набежавшее облако.

«Звездочка скоро появится, Анна никогда не будет со мной. Какой я соперник Василко? Он – князь, я горшечник и раб». Он нащупал зашитую в тулупе пейцзу: «Какой от нее толк. Не заменит она мне Анну, даже если даст богатство». Невеселые мысли прервал стон. Тули, буквально, приполз в сарай. Юсуф, как мог, помогал товарищу, который, отдышавшись, понуро сказал:

– Не будет нам здесь жизни. Нас убьют.

– Почему ты так решил?

– Когда меня били, один них сказал: «Карась, хватит – убьешь, пусть сначала дом построят».

Работа у Юсуфа не клеилась, он губил заготовки одну за другой. Спиридон положил ему руку на плечо.

- Ты о чем думаешь?
- Я думаю, как дальше жить или сразу умереть.
- Не говори загадками.
- Просто нас убьют, как только закончим строить дом.

Рассказ Юсуфа не затратил много времени. Спиридон почесал рыжий загривок, крикнул, но помощь пообещал. Прошло несколько дней, но он молчал. Возможно, не желал ввязываться в это опасное дело.

Холодный ветер бросал горстями капли дождя в прохожих. Они прятали лица, ругая лето и погоду. Василко ожидал возвращения Еремея и Звяги. К нему подошла Анна, кутаясь в большую шаль, но она не успела сказать и слова, как окольный доложил, что прибыли бояре. Анна с сожалением взглянула на Василко.

- Даже в такую погоду нет тебе покоя, – чмокнув его в щеку, ушла к Агафье.
- Зови! – с сожалением обронил Василко.

В горницу внесли какие-то щиты. Их расставили в определенном порядке. После чего стало ясно, что это карта местности, на которой будет строиться лесная база.

- Рассказывайте, что вы принесли, что задумали?
- Мы из песка и еловых веток сделали точную копию лесной площадки для строительства.
- Это я уже понял. В чем хитрость?
- Эта местность окружена болотами.
- Но это же ловушка. Если войдем мы, то пройдет и враг.
- Не изволь гневаться, князь. Вот посмотри, нитью показан путь отхода, но до этого не дойдет.
- Что помешает?
- Вот здесь мы расположим лучников.
- Какие лучники в лесу? Деревья просто защитят наступающих монголов, – Василко не понимал замысла, начинал злиться.

Еремей подробно изложил план обороны. Когда князь вник в него, то он очень ему понравился. Но сомнения остались.

- В зимнее время, когда мороз скует болота, лесные поселки станут беззащитными.
- Завалы, специальные просеки, петли, волчьи ямы выведут врага на незамерзающие болота. Если даже монгол пройдет все преграды, людей можно вывести по съёмным мостам, – Звяга говорил убедительно и показывал на макете.
- В конце концов план был принят. Еремей возглавил строительство обороны и крепости. Пришел Афанасий, ознакомился с планом и поддержал его.
- Хороший план, но сможем ли мы удержать его в тайне?
- Строительство лесных деревень в секрете держать не надо, все остальное делать под каким либо предлогом, чтобы не вызвать подозрения, – предложил князь, но его слова звучали как приказ.

Щиты унесли в дальнюю светлицу, подальше от любопытных глаз.

Василко пригласил своих собеседников к столу для обсуждения очень важного вопроса.

- Хочу попросить у вас совета относительно посольства к монголам, – князь видел, как напряглись лица его друзей, – дело в том, что нападение на нас – это вопрос времени. Они все равно к нам вернутся, поэтому их необходимо предупредить. По моим данным основное их войско

ушло далеко в сторону захода солнца, но сил для нападения достаточно. Если мы придем к ним с поклонной головой, то им будет выгодно принять нас под свою руку без боевых действий, так как война может привести к искушению других князей выйти из повиновения.

– А если им известно, что мы не готовы к войне и наше посольство расценят как слабость, у них сложится мнение, что мы не способны оказать сопротивления. Этим мы ускорим их нашествие, – усомнился Звяга.

– Это возможно, но все же надо отправить посольство со всеми предосторожностями.

– Кто пойдет во главе посольства?

– Я думаю, что это будет Данила Савич. Я хотел бы знать, способен ли он на предательство?

– Нет! На мелкие подлости он, возможно, пойти может, но на предательство – нет, – несмотря на натянутые отношения вступился за воеводу Афанасий.

Данила Савич проснулся рано. Сегодня он может понежить себя в постели, но Ефросинья бесцеремонно потребовала.

– Вставай! Дело есть.

– Я сегодня отдыхаю, – с добрейшей улыбкой он соорудил ей фигурку из трех пальцев и продолжал нежить свое тело.

Через мгновение оказался с периной на полу.

– Совсем спятила, старая.

Данила расправил перину и стал укладываться, но еще через мгновение оказался на полу без перины. Шутливо поругавшись для порядка с женой, отправился пить квас. Там он попал под атаку своей дочери.

– Папа, пойдем в посудную лавку, там, говорят, есть очень красивые вазы.

– Вы, что с матерью сговорились меня донимать?

– Мама тоже хочет пойти, – подтвердила стговор дочь.

– Идите сами.

– Нет! Хотим с тобой.

– Не дали поспать! А теперь пойдем, – капризничал отец.

– Папочка, ну, пожалуйста.

Пелагея обвила шею отца, поцеловала в щечку.

– Да разве тебе откажешь. Лиса! Собирайтесь.

Данила Савич в сопровождении жены и дочери важно ступил во двор Спиридона. Увидев важных гостей, Спиридон на полусогнутых ногах подбежал к ним.

– Рад приветствовать высоких гостей. Проходите в лавку, будьте добры.

– Подожди, мои хотят посмотреть, как горшки получают.

Они подошли к станку, где работал Юсуф. Под его руками из бесформенного комка глины стала расти чаша.

Спиридон подозвал к себе пробежавшего мимо Тули.

Увидев его, женщины инстинктивно прижались к Даниле.

– Это монгол?

– Да. Вон тот за станком тоже монгол.

– Тоже монгол? Почему он не похож на первого?

– Кто их разберет? Пришли вместе, убивали вместе.

Пелагея испуганно потянула отца.

– Пойдем в лавку, папа.

В лавке глаза у женщин разбежались. Они оживленно обсуждали товар. Чтобы им не мешать, Данила вышел. В это время во двор въезжали Василко и Анна.

Костюм князя кирпичного цвета украшен орнаментом и янтарными пуговицами. Меч с рукоятью с встроенными в нее драгоценными камнями. Ножны отделаны золотом.

Платье на Анне голубое, будто само небо спустилось к ней. В глазах небесный омут чарует, тянет. Мастера и их подмастерья прекратили работу. Все взгляды сошлись на княгине Анне, которой Василко помог сойти с лошади. Только Спиридону не было времени поддаваться чарам, он спешил встретить высоких гостей.

– Вы оказали мне большую честь, посетив мой скромный уголок. Разрешите приветствовать Великого князя и его княгиню! Очень рад услужить всем вашим желаниям. Спиридон застыл в поклоне до пояса, чем смутил Анну.

Она вопросительно взглянула на мужа, не зная как вести себя.

– Здравствуй! Не смущай нас Спиридон, говори проще. Покажи свои владения.

Данила Савич подошел, поклонился в приветствии.

– Доброго здоровья, – он на некоторое время запнулся, подыскивая слова, а затем продолжил, – доброго здоровья тебе, князь и твоей красавице жене.

– Спасибо, Данила Савич! Тебе тоже доброго здоровья.

Пелагея ахнула и, чтобы избежать встречи с Василко, потянула мать в другую лавку.

Анна во все глаза смотрела на товар, но ничего не выбирала. Это заметил Василко.

– Почему не покупаешь, милая?

– Это, наверное, дорого? – она еще не привыкла быть княгиней.

– Мы покупаем все, – сделал широкий жест князь.

Спиридон накапливал смелость, чтобы обратиться к князю с просьбой. В другой ситуации промолчал бы, но опасность потерять такого мастера, а с ним и доходы, вдохновили его.

– Василко Олегович, позволь просьбу молвить.

– Я слушаю тебя.

– Моего мастера Юсуфа хотят убить.

– Кто?

Спиридон пересказал все, о чем ему поведал Юсуф.

– Помоги спасти его.

– Хорошо. Пусть живет, никто его не тронет.

Человек не может заглянуть в свое будущее, даже если он князь. Если бы он мог заглянуть в него. Если бы мог....

Красивые лошади увезли красивую пару восвояси, оставив в сердце Пелагеи жестокую боль. Она плакала на груди у матери.

В то время когда сановная пара только появилась, Данила Савич случайно взглянул на Юсуфа, который тоже увидел небесную Анну. Руки его сжались в кулаки, тело его будто высекли из камня. Он все понял. Это открытие могло ему помочь выполнить задуманное! Но как?

– Спиридон, увидев в глазах Юсуфа слезы, попытался отвлечь своего мастера от невеселых дум.

– Эх, Юсуф! Не по Сеньке шапка! Мало тебе девок? Ты только позови, любая твоя будет! Князь обещал помочь в твоём деле с домом. Юсуфу стало еще больнее. Он вынужден принять помощь от своего соперника. Он еще раз увидел разницу положения раба и князя.

Неудачный поход за покупками породил у Савича мысли, которые могут все вернуть, сделать его дочь княгиней.

Он придумывал план за планом, но не один из них не годился. Как подтолкнуть Юсуфа к похищению Анны? Как перехитрить охрану? Как сделать так, чтобы самому выйти из воды сухим? Ни на один вопрос ответа не было.

Данила ходил мрачный, что немедленно заметила Ефросинья.

– О чем кручинишься, муж мой? – спросила она, уперев руки в бока, смотрела на мужа взглядом, который исключал возможность оставить вопрос без ответа.

– С полками не ладится, хлеб убрать надо, никого в кольчугу не загонишь, – для убедительности он даже всплеснул руками. Но жена позы не изменила.

– Соври Пелагее, она тебе поверит, а мне говори правду.

– Я тебе сказал правду, – Данила пошел к выходу.

– Не хочешь говорить, тогда я попробую угадать.

– Что ты можешь угадать? – Данила насмешливо взглянул на супругу.

– Слушай! – Ефросинья ближе подошла к мужу, чтобы говорить тише, – ты смурной стал после того, как побывали в лавке. Ты думаешь, я не видела, как тот монгол стал каменным? Говори! Ты решил помочь ему украсть Анну?

Данила раскрывал и закрывал рот, не в силах вымолвить словечко. Жена поразила его своей проницательностью. По реакции мужа Ефросинья поняла, что попала в точку.

– Погубить нас хочешь? – она все ближе подступала к нему, – а ты подумал, старый дурень, что Юсуф приведет сюда монголов, а те пожгут и разорят город, убьют людей! Нас проклянут!

Данила закрыл лицо руками. В голове стучало: «Как я мог, не предвидеть такого поворота событий».

– Прости меня, мать, я действительно схожу с ума.

– Перестань об этом даже думать!

– Все! Все! Забыли!

Розовый туман его мечты развеялся окончательно.

Церковь строили на другой стороне площади от дворца князя. Бревенчатые стены храма возвели быстро, но далее дело застопорилось. Василко подошел к бородатым мужикам, сидевшим у стены. Они поспешно встали, сняв малахай* (Пояснения слов даны в конце книги), поклонились.

– Почему не работаете?

Мужики робко молчали.

– Что, языки проглотили?

– Дураков много, а умного ни одного! – выпалил самый смелый мужичок. Затем, видимо испугался своей смелости, спрятался за спины товарищей.

– Что ты прячешься? Иди ко мне. Расскажи все.

Мужичок несмело выступил вперед.

– Да что.... Стены строить привычно, а крышу, говорят, надо делать по-другому, а как, – никто не знает.

Князь усмехнулся своим мыслями, сказал:

– Хвалю за смелость! Найди мне отца Тихона и попроси его подойти ко мне.

– Я уже здесь, – послышался голос подходящего священника.

– Отче! Как строить храм будем?

– Не знаем, как делать крышу. Беженцы из Рязани рассказывают, что над церквями купола из железа, другие видели купола деревянные. Мастера по таким делам у нас нет.

– Пойдем со мной. У меня есть книга, в которой рисунки церквей.

Втроем они рассматривали храмы заморских стран. Долго не получалось выбрать, нужный рисунок. Мнения расходились. В конце концов уступили Анне, которой понравился круглый купол из белого камня.

– Когда Анна ушла, Тихон спросил князя:

– Где взять белый камень и как его приспособить к дереву?

– Она выбрала, а ты строй так, как тебе надо. Переговори с Еремеем. Книгу возьми с собой, она тебе нужнее.

– Так Анна...

– С Анной я все улажу.

– Обманывать грех.

– Мы ее не обманули, мы ей уступали, но выполнить ее каприз не смогли, – улыбнулся Василко.

Довольный Тихон направился к Еремее.

Поутру к князю прибыл Фома и доложил:

– За дверью ожидает приема человек, который может присматривать за посольством и быть полезен в делах разведки.

– Ему можно верить?

– Проверял. Думаю, что говорит правду.

Фома подробно рассказал о проведенной проверке.

– Я за ними последил до самого дома. Ночью он никуда не выходил. У них скоро появится ребенок.

– Ты что у них под печкой всю ночь сидел? – улыбнулся Василко.

– Нет. Просто когда он вышел из кузницы, она плакала у него в объятиях и громко говорила.

– Ты говоришь, что хорошо стреляет из лука?

– По его словам, он никогда никому не проигрывал.

Князь попросил окольничего впустить посетителя. Терентий вошел без робости, поклонился,

– Хорошего здоровья тебе, князь!

– Всего хорошего и тебе.

– Я пришел по твоему приказу.

– Почему по-нашему говоришь плохо?

– Без родителей остался рано, пока скитался, рядом русских людей не было, вот и подзабыл.

– Говорят, что умеешь стрелять из лука. Где учился?

– Есть захочешь и есть нужда – всему научишься.

– Ты не ответил на вопрос. Где учился стрелять?

– Учиться особенно не пришлось. Как-то получается само по себе. Хороший стрелок был монгол, он лучше меня стрелял. Я смотрел, как он стреляет и повторял. Убил его русич дубиной.

– Выйдем во двор, – предложил князь.

Фома и Терентий поспешили к выходу.

Недалеко у забора заканчивала завтрак ворона. Слуга поднес лук и стрелу и подал стрелку.

– Вот тебе оружие, вот тебе цель, – Василко указал перстом на ворону, – у тебя одна стрела. Терентий смерил взглядом расстояние, но выстрелил не в ворону, а в пролетающую со стрекотом сороку. Птица упала к ногам восхищенного князя.

– Прости, князь, вели говорить, – Терентий поднял глаза.

– Говори.

– Правильно делаешь, что проверяешь, но я пришел на землю своей матери, а поэтому выполню все, что поручишь, чтобы выполнить ее завет.

– А если это грозит смертью?

– Если не забудете о моей семье, я пойду и выполню задание, даже ценой смерти.

– Хорошо говоришь, но будет ли так?

– Мне больше нечего сказать, князь.

– Хорошо пока свободен.

– Я могу идти домой?

– Да! Но о нашем разговоре никто знать не должен, даже твоя спасительница.

Когда Терентий ушел, Василко задумчиво спросил:

– Как думаешь, не врет?

– Думаю, нет. Если бы вчера он говорил неправду, попытался бы бежать.

– А семья?

– Это только доказывает, что она ему дорога. Будет служить, как обещал.

– Перестань, я не воюю с младенцами. Мне нужен человек, которому палка не нужна.

– Пошли меня, государь, я ни чем не связан, выполню по велению души, а не палки.

– Я подыскивал тебе помощника.

– Если веришь этому человеку, бери его.

– Я доверюсь ему, но я должен ответить на его вопрос.

– Передай ему мое княжеское слово: «О семье я не забуду, пока жив». Дела свои по приказу поручи смышленому человеку. Особое внимание – соли. Что известно о купцах, которые весной ушли за солью?

– Пока никаких известий. Солью не торгует никто. Слишком опасный товар. Татей в лесах развелось больше, чем деревьев.

– Пойдете в город, в котором обосновался наместник Бату-хана, там будете содействовать и по возможности охранять наше посольство. Через вас оно в случае необходимости сможет передать важные известия. Если в посольстве случится измена или оно погибнет, я должен знать об этом первым.

– Кто пойдет во главе?

– Думаю, что лучше Данилы Савича не найти.

Князя Юрия Владимировича съедала ненависть, так как он считал, что, его брат отец Василко, стал удельным князем несправедным путем. Когда Юрию не было и года, его отец погиб в сражении с половцами. По решению боярской думы удельным князем стал брат Олег. Когда Юрию исполнилось двадцать, он потребовал возврата власти, но думские бояре отказали, считая правление Олега успешным. После смерти князя Олега дума заседала три дня, три дня спорили, кому отдать меч – символ власти в княжестве. Последним камешком, перевесившим чашу весов в пользу Василко, стала его молодость. Бояре посчитали, что им будет легче управлять. Другими словами «мальчишку проще сломать».

Ненависть и жажда власти накапливалась годами. Князь Юрий то впадал в ярость, строя планы по захвату престола, то надолго уходил в себя, становился молчаливым и мечтательным. Много раз он представлял себя во главе сияющей дружины, которая разгромила ужасного врага. Восторженная толпа его подданных встречает победителей, а он во главе дружины триумфально въезжает в город.

Первые слухи о нашествии монгол он встретил с надеждой, что с их приходом власть перейдет к нему. Он понимал, что Василко молод и не сможет противостоять этой все сметающей силе. Город укреплен плохо, дружина малочисленна, помощи не окажет никто, но Василко не склонит головы, а поэтому будет уничтожен.

Шло время, но вместо врага пришли беженцы, которые своими рассказами спутали все планы. Монгол прошел мимо, стремясь в более богатые города и княжества.

Все больше богатых людей проявляли недовольство правлением Василко. Им не хотелось отдавать деньги на строительство укреплений. Дума, которая рассчитывала безраздельно править княжеством, вдруг оказалась лишенной власти. В окружении Василко появились молодые энергичные люди. К новой вере потянулся народ. Именно народ стал держать трон на своих плечах, делая Василко недостижимым для своих недругов.

Князь Юрий мог легко найти единомышленников, но осторожная и нерешительная натура останавливала его у самой черты, после которой возврата нет.

Данила Савич спешил по вызову князя. Он недоумевал, зачем он ему так срочно понадобился. Князь усадил его напротив себя так, чтобы видеть его глаза, заглянуть в его душу.

– Вызвал я тебя по важному делу, от которого будут зависеть судьбы людей, возможно, и всего княжества.

– Я готов выполнить все, что прикажешь.

– Повторяю, вся надежда на тебя, так как это задание можешь выполнить только ты!

– Я слушаю тебя, князь!

– Ты должен поехать с посольством к монгольскому наместнику.

Князь сделал паузу, чтобы видеть реакцию своего воеводы. Данила Савич подался вперед. Глаза его на миг остановились. До него с трудом доходил смысл слов князя.

– Куда-а?

– К монгольскому наместнику Саин-хану.

Савич сглотнул слюну и часто заморгал, переваривая новость.

– Какой хан? Какие монголы?

– Дело в том, что основные силы татаро—монгол прошли мимо нас, но это только вопрос времени, они придут к нам с огнем и мечом. Если они о нас не знают, то соседи подскажут. Надо упредить удар, задоблив их дарами и согласием платить дань.

– Теперь я понял и готов ехать с посольством.

– Не торопись! Это дело не терпит необдуманных решений. Дело в том, что для тебя и всего посольства это задание связано со смертельной опасностью. Мы постараемся прикрыть вас, по возможности, но ты войдешь в самую пасть зверя. Иди, подумай до утра. У тебя есть право отказаться, но повторяю, только ты способен выполнить эту задачу.

– Я много раз за свою жизнь участвовал в сражениях. Не думаю, что там был зверь менее опасен. Я войду в пасть монгольского зверя.

Лицо воеводы стало суровым, взгляд решительным.

– Тогда я вызываю твоих помощников. К заходу солнца

они будут здесь, а пока попробуем представить, как будет развиваться ситуация.

– Этого делать не надо.

- Почему?
- Мы не сможем всего предугадать. Поэтому принимать решения придется по обстановке.
- Тогда я попрошу тебя, будь хитрее лисы, изворотливым, как уж, и не бойся показаться глупым и льстивым.
- Прости князь, но я посол русского князя.
- Ползать на брюхе и целовать сапоги хану я тебя не заставляю, но гнуть спину в поклонах придется.

Звяга спешил на встречу с Таисией. Сегодня он предложит ей свое сердце. Он скажет ей, что пришло время засылать сватов. Как вспыхнут радостью ее глаза, как бросится к нему на грудь, а ласковые руки обнимут его шею. Он будет целовать ее лицо и руки, говорить нежные слова. Его сердце переполнялось теплотой и любовью, торопило и толкало вперед. Он взбодрил коня, чтобы скорее оказаться в жарких объятиях любимой.

Охваченный нетерпением, он не сразу услышал, что его зовут.

– Звяга, стой! Князь кличет! – окольничий преградил ему путь.

– Я не могу! Скажи Василко, что не нашел меня, – влюбленный юноша поднял глаза к небу.

– Нет, я не могу! Дело очень срочное.

– Я не могу! У меня свидание!

– Я же сказал! Дело не терпит проволочек. Поехали.

Звяга с надеждой глянул на тропинку, по которой должна идти Таисия. Она бежала, счастливая, навстречу к нему, что-то кричала. От встречного потока воздуха тяжелая коса расплелась, сарафан облегал ее сильное и красивое тело.

Любуясь ею Звяга, бросился навстречу. Он торопливо целовал ее и виновато повторял: «Прости, любимая, я должен отправиться к князю. Меня ждет посыльный». Ему не хватило времени обо всем ей сказать....

Ее сердце выпрыгивало из груди, оно так и не услышало такие желанные слова.

Вошел окольничий и доложил, что пришел только Звяга, Афанасия найти не удалось.

Звяга вошел к князю с недовольным лицом, будто муху проглотил.

– Чем недоволен? Что случилось?

– С вами нет никакой личной жизни.

– Сорвали свидание? Но это только начало. Присаживайся к столу.

Звяга, не меняя выражения лица, уселся на лавку.

– Я слушаю, князь, – все еще недовольно буркнул он.

– У Данилы Савича тоже семья, но он отправляется с посольством к монголам.

– Куу – даа? – недовольство на лице Звяги сменилось удивлением. Он подался вперед и перевел взгляд на воеводу.

Данила Савич подтвердил кивком головы, сказанные Василко слова, и подумал: «Князь упомянул мою семью случайно или намекнул о ее судьбе в случае измены. Неужели моя семья в заложниках?»

– Я понял вас! Мой дальнейший жизненный путь пройдет в том же направлении.

– Хорошо иметь дело с умными людьми. Но нам не ясно, согласен ли ты пройти этот путь, путь возможно без возврата.

– Для начала хотелось бы узнать, что я там буду делать.

Князь вкратце пояснил обстановку. Звяга вспомнил Таисию и подумал о несостоявшемся сватовстве.

– Я готов.

– Если готов, будешь хранителем подарков, и если что-то пойдет не так, заменишь Данилу Савича. Нам нужен мир! Поэтому вы должны быть готовы к самому худшему. Ваши жизни – это наш щит, спасете себя – спасете нас!

– Раз уж я хранитель подарков, то хочу знать, что это за ценности.

– Два прекрасных скакуна, золото, серебро, посуда, мех.

Для хана особые дары.

Окольничий внес и положил на стол лук, колчан со стрелами, меч и прекрасную расписанную вазу.

– Дары прекрасны, но мы не знаем, каким богатством обладает хан, – Василко поднял перст, акцентируя на этом внимание, – поэтому их надо поднести так, чтобы он остался доволен.

– Все сделаем в лучшем виде, – отозвался доселе молчавший воевода, – но этого мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.